

— Ингибитор давай сюда. Я буду изолироваться дома.

Лу Иньчэнь всё ещё колебался. Тан Байчжоу без лишних слов забрал препарат прямо у него из рук.

— Но, сэр, это не соответствует протоколу.

Император говорил легко, хотя понимал: если те старики из кабинета министров узнают, что он оставил правителя в период повышенной восприимчивости одного, они слюной его захлестнут.

— Сделаем так, — продолжил император. — Вы... пусть группа телохранителей дежурит снаружи всю ночь.

В обычные дни император отказывался от сопровождения личной охраны, позволяя следовать за собой максимум паре телохранителей.

— Нет. Всё останется по-прежнему, — отрезал правитель, не терпящим возражений тоном.

Лу Иньчэнь хотел было продолжить уговоры, но холодный встречный вопрос Тан Байчжоу заставил его замолчать:

— Ты слушаешь меня или сам решаешь, как мне поступать?

У императора империи дел неуворот, и лишь по вечерам, закончив работу, он мог побыть наедине с Чу Сюнем. Правитель не желал, чтобы его беспокоили.

— Слушаюсь вас. Если возникнет необходимость, немедленно свяжитесь с группой охраны. В ближайшие дни они будут в полной готовности двадцать четыре часа в сутки.

Тан Байчжоу был весьма уверен в своём самоконтроле. Его духовная сила была настолько необъятна, что могла без труда окутать всё население империи, защищая их от любых посягательств. В периоды повышенной восприимчивости, пока он не встретил Чу Сюня, он всегда справлялся сам, и всё оставалось под его полным контролем.

— Не волнуйтесь, господин Лу, я позабочусь о господине Тане.

Чу Сюнь произнёс это тоном, с каким обычно опекают омег.

Именно потому, что ты рядом, я и волнуюсь ещё больше, — подумал про себя Лу Иньчэнь, но, не имея другого выхода, передал прекрасного императора на попечение Чу Сюня.

— Хорошо, тогда всё в твоих руках.

Энигме в период повышенной восприимчивости хотелось быть только с тем, кто ему дорог. Прозрачный барьер, блокирующий феромоны, был активирован. Слуг заменили бетами, на которых феромоны не действовали, и отправили их дежурить за пределами виллы.

Дворецкий с нетерпением ждал на ступенях. Группа охраны плотным кольцом окружила Тан Байчжоу, пока тот шёл внутрь. Смена караула прошла слаженно, зрелище было весьма внушительным.

— Господин, добро пожаловать домой.

Дворецкий проводил Тан Байчжоу и Чу Сюня в гостиную виллы и, проявив деликатность, тихо прикрыл за собой дверь.

Тан Байчжоу снял пиджак и сел за обеденный стол напротив Чу Сюня. Хрустальная люстра в стиле французского ретро сияла роскошью, заливая светом изысканную лепнину на потолке.

Хотя Тан Байчжоу был очень добр к нему и посторонних рядом не было, Чу Сюнь всё равно чувствовал лёгкое напряжение. Перед ним был альфа с невероятно сильной психологической устойчивостью — даже у директора военной академии Лантис не было такой подавляющей ауры.

— А-Сюнь, расскажи мне, что сегодня случилось в академии.

Тан Байчжоу неспешно разрезал стейк ножом и вилкой.

— Хорошо, сначала я расскажу вам о случае с наручными часами...

Чу Сюнь не хотел жаловаться и перекладывать на него негатив, поэтому опустил мелкие детали и сразу перешёл к сути того, как его подставила Цинь Лохуань. Император слушал с явным интересом, а когда юноша закончил, с полуулыбкой заметил:

— А-Сюнь так сильно любит этого омегу?

— Нет у меня к нему чувств, господин Тан!

Даже несмотря на мягкую улыбку на лице Тан Байчжоу, острая интуиция юного альфы подсказывала: господин Тан очень не любит Цинь Лохуаня.

— Я торопился на занятия, к тому же мне очень нужны были деньги. Эти деньги по праву

принадлежали мне, поэтому я их и взял. Я осмотрел обе шкатулки и не ожидал, что в таком месте могут быть спрятаны вещи. Впредь я буду осторожнее, господин Тан.

Взгляд Тан Байчжоу обладал глубокой, мощной притягательностью, в нём бурлили неясные, тёмные чувства. Густые, словно разлитые чернила, они жгуче впивались в Чу Сюня, опутывая его. Энигма начал свою тихую атаку.

Чу Сюнь старательно избегал его взгляда. У него возникло странное предчувствие: если он хоть раз утонет в этой бездонной глубине глаз, то уже никогда не выберется. И будет обречён навеки.

— Ничего страшного. А как ты познакомился с тем маленьким омегой? Это ты первым начал ухаживать за ним? Расскажи мне вашу историю любви. Я никогда не был влюблён и мне очень любопытно, что это за омега, ради которого ты готов был на такие жертвы.

Тан Байчжоу пододвинул тарелку с нарезанным стейком к Чу Сюню.

— Ешь больше, раны быстрее заживут.

— Господин Тан, наш брак был устроен семьёй. Я не ухаживал за ним. Это он... проявил инициативу. Что касается жертв, то я об этом даже не думал. Тогда я просто считал, что альфа обязан защищать омегу. Это долг каждого альфы. Теперь я понимаю, что мои мысли были в корне неверны, и сначала нужно научиться защищать самого себя.

Чу Сюнь чувствовал, что Тан Байчжоу не в духе — вероятно, сказывалось влияние феромонов периода восприимчивости, поэтому отвечал максимально осторожно. Но Тан Байчжоу этот ответ не удовлетворил.

Собственнический инстинкт Энигмы в период повышенной восприимчивости обострился до предела. Феромоны, почти десять лет подавляемые ингибиторами, вырвались наружу, неся с собой жгучую смесь любви и ревности. Тан Байчжоу чувствовал лишь невыносимое раздражение, а гнев внутри него бушевал так, что хотелось прямо сейчас сорваться с места и разорвать Цинь Лохуаня на куски.

— Ты никогда его не любил? — спросил Тан Байчжоу. Было очевидно, что он не верит ответу Чу Сюня.

— Наверное, нет. Я и сам не уверен, можно ли назвать те чувства любовью. Но я читал в Сети: если любишь человека, то точно это знаешь. А если не можешь разобраться в своих чувствах, значит, любви было недостаточно.

— А-Сюнь, расскажи мне подробности ваших отношений с тем омегой.

Тан Байчжоу по-прежнему не верил ему. Он решил зайти с другой стороны, чтобы самостоятельно оценить степень привязанности Чу Сюня к Цинь Лохуаню. Если Чу Сюнь когда-то был сильно влюблён в него, он непременно должен был устранить этого мешающего соперника.

— Позволь этому старику хоть немного познать вкус первой любви.

Вопрос заставил Чу Сюня почувствовать себя как на иголках.

— Ну, это... всё было как у самых обычных пар альф и омег. Я носил ему завтраки, мы вместе смотрели фильмы, я помогал ему с домашними заданиями. По вечерам провожал домой. Мы обручились, я привёз его домой, чтобы познакомить с бабушкой, а после нашего возвращения семьи устроили приём.

Под мягким напором Тан Байчжоу Чу Сюнь выложил всё — и то, что стоило говорить, и то, о чём лучше было промолчать.

— Он действительно весьма искусный омега.

Тон императора был холодным, в нём сквозила то ли насмешка, то ли ядовитая ирония.

— А-Сюнь, вы пробовали запретный плод? Как он переживал периоды течки? Ты ставил ему временную метку? Такой красивый омега... ты правда смог удержаться?

— Нет, что вы! — Чу Сюнь отчаянно замотал головой. — Такое можно делать только после свадьбы.

Император едва заметно повёл уголками губ. Бушующие феромоны наконец получили хоть какое-то успокоение. Он с большим трудом подавил желание убить Цинь Лохуаня и налил Чу Сюню супа.

— Верно. В твоём возрасте нужно думать об учёбе.

— Господин Тан, не волнуйтесь, — Чу Сюнь тоже налил ему супа. — Сейчас я хочу только прилежно учиться.

— А если когда-нибудь твоя железа исцелится, и Цинь Лохуань снова придёт к тебе, ты примешь его? — мягко спросил Тан Байчжоу.

На самом деле, каждый его вопрос был глубокой ямой, вырытой для Чу Сюня.

— Нет.

В глубине души Чу Сюнь чувствовал лишь разочарование и отвращение к Цинь Лохуаню. Если бы не необходимость успокоить Тан Байчжоу в его состоянии, он бы и слова не произнёс об этом человеке.

— Если я действительно дождусь того дня, когда моя железа восстановится, я сделаю только одно — отплачу вам добром. Для меня никто из омег не сравнится с вами.

Хотя Тан Байчжоу понимал, что Чу Сюнь имеет в виду совсем не то, о чём думает он сам, он всё равно не смог удержаться от того, чтобы не поддаться этому чувству.

<http://bllate.org/book/20528/2047634>